

РЕЦЕНЗИИ

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА СТЕЦКЕВИЧ

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления —
Филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: Stetskevich-es@ranepa. ru

Рецензия на книгу:

Штелин Я. Дневник конференц-секретаря Петербургской Академии наук за 1766–1769 годы / Отв. ред. и сост. Г.И. Смагина; транскрипция текста О.Н. Блёскиной; перевод с немецкого Г.И. Смагиной и И.Ю. Тарасовой; вступительная статья и комментарии Г.И. Смагиной. СПб.: Росток, 2021. 440 с. + 24 с. ил. ISBN 978-5-94668-341-8

УДК: 94(47)

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-2-160-169

Рецензия на приуроченную к предстоящему 300-летию Российской академии наук публикацию архивных дневниковых записей профессора Петербургской академии наук Якоба фон Штелина (1709–1785), осуществленную Г.И. Смагиной. Я. фон Штелин известен как автор «Записок» о развитии изящных искусств в России, «Подлинных анекдотов из жизни Петра Великого...», а также «Записок», посвященных императору Петру III. В Императорской академии наук и художеств Штелин служил с 1735 по 1785 г., занимая должность профессора красноречия и поэзии, а также выполняя обязанности советника академической канцелярии (1757–1766) и конференц-секретаря (1765–1769). В дневнике Штелина отражены события академической истории, реформа управления Академией наук и развитие художественных палат. Рукопись впервые переведена на русский язык и сопровождается обширными комментариями.

Ключевые слова: Якоб фон Штелин, Российская академия наук, конференц-секретарь, дневник, письма, Владимир Григорьевич Орлов.

Публикация дневниковых записей профессора Петербургской академии наук Якоба фон Штелина (1709–1785) приурочена к предстоящему 300-летию Российской академии наук. В XVIII в. Академия прошла сложный путь развития от подбора и приглашения на русскую службу европейских ученых, проведения первых заседаний, начала научных изысканий до осуществления широкомасштабной исследовательской, экспедиционной, издательской и просветительской деятельности. Уже в начальные десятилетия существования Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге стала вровень с европейскими научными сообществами, основанными ранее, чем в России. Первое столетие истории Академии всегда находилось в зоне пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. Однако введение в научный оборот ранее неизвестных или остававшихся вне поля зрения источников открывает возможности для более детального и внимательного его изучения.

В конце XX и в первые десятилетия XXI столетия новыми красками был дополнен портрет академика Штелина, уроженца г. Меммингена (Южная Швабия, Германия), служившего в Академии наук на протяжении пятидесяти лет. Первое подробное описание его деятельности было опубликовано на страницах книги П.П. Пекарского «История Императорской Академии наук в Петербурге»¹. Через два года после приезда в Санкт-Петербург в 1737 г. в возрасте 28 лет Штелин был удостоен звания профессора красноречия и поэзии. Многие годы он редактировал немецкоязычный вариант газеты «Санкт-Петербургские ведомости», был автором статей для «Примечаний на Санкт-Петербургские ведомости», составлял проекты фейерверков, иллюминаций и тексты, сопровождавшие эти торжества.

С 1742 по 1745 г. Штелин служил при дворе, являясь воспитателем великого князя Петра Федоровича, будущего императора Петра III (1761–1762), а с 1745 по 1747 г. занимал пост библиотекаря при ораниенбаумском дворе. Штелин не раз бывал причастен к важнейшим событиям придворной жизни. Он составлял описание церемонии погребения императрицы Анны Иоанновны; участвовал в подготовке коронационных торжеств двух императриц — Елизаветы Петровны (1741–1761) и Екатерины Алексеевны (1762–1796); входил в состав специальной комиссии, готовившей к изданию коронационный альбом Елизаветы Петровны². Штелин пользовался заслуженным авторитетом при российском императорском дворе, поэтому его заслуги были отмечены присвоением высоких чинов согласно Табели о рангах. В 1745 г. он получил чин надворного советника, в 1762 г. был утвержден статским советником, а в 1775 г. — действительным статским советником. Напомним, что заслуги при императорском дворе были фактически единственной возможностью получения рангов и лишь немногие академики имели их в XVIII столетии.

¹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. СПб.: Тип. ИАН, 1870–1873. Т. 1. 1870. С. 538–567.

² Обстоятельное описание Торжественных Порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ее Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Печ. при ИАН, 1744. 168 с.

После 1747 г. придворная карьера Штелина завершилась, и он с головой погрузился в академические дела. Как создатель проектов фейерверков и иллюминаций, пронизанных аллегорическими идеями, Штелин был тесно связан с художниками, граверами, скульпторами, архитекторами и музыкантами. Сфера изобразительных искусств не была ему чужда, ведь еще на родине он посещал занятия в частной «Академии рисунка и живописи» в Дрездене. Штелин был прекрасно сведущ и в современных ему художественных идеях, и в том, как следует обучать искусствам, и в том, как воплотить художественными средствами идеи Просвещения.

Возвращение Штелина к академической службе совпало со значительным событием. 24 июля 1747 г. императрица Елизавета Петровна утвердила Регламент Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, благодаря чему ее художественное отделение (художественные мастерские или палаты) получило законное основание для существования. Кроме того, бюджет Академии наук был увеличен в два раза, что частично сняло напряжение между научной и художественной частями Академии и способствовало дальнейшему развитию всей Академии. Гравировальная, Фигурная, Рисовальная, Резная (Скульптурная), Пунсонная, Переплетная, Инструментальная мастерские достигли пика в своей деятельности во второй половине 1740-х — первой половине 1760-х гг. Во многом это было связано с деятельностью Штелина. В 1748 г. он стал членом и фактическим главой Собрания Академии художеств при Академии наук (Совещания по делам художественным), коллегиального органа, руководившего художественными мастерскими. В 1757 г. решением президента К.Г. Разумовского (1728—1803) Штелин был назначен советником академической Канцелярии, фактически являясь «директором всех при Академии художеств».

Академическая служба Штелина во второй половине 1740-х — 1760-х гг. была до краев наполнена событиями. Он заботился о наборе учеников, о надлежащих уровнях преподавания и выполнения работ в академических художественных мастерских. С 1757 г. Штелину было поручено, не оставляя службы в Академии наук, руководить обучением российских медальеров на Монетном дворе и разрабатывать проекты новых российских медалей и монет.

Участие в жизни двора, знакомство с широким кругом представителей аристократии позволили Штелину подготовить ряд сочинений, опубликованных после кончины их автора. С момента издания они прочно вошли в научный оборот как исторические источники. Это «Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого...»³, «Записки Штелина о Петре Третьем, императоре Всероссийском»⁴, «Записка о последних двух днях царствования Петра III»⁵. Кроме того, Штелин целенаправленно собирал сведения и описывал развитие изящных искусств (гравирования, живописи, скульптуры, медальерного и мозаичного искусств), коллекционирования, му-

³ Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге и извлеченные из забвения Яковом фон Штелиным. Ныне же вновь переведенные с немецкого на русский язык с прибавлением многих других на русском языке не изданных анекдотов. Ч. 1–2. М., 1793–1800.

⁴ Записки Штелина о Петре Третьем, императоре Всероссийском // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Октябрь — декабрь. Книга четвертая. С. 67–118.

⁵ Штелин Я. Записка о последних двух днях царствования Петра III // Русский архив. 1909. Кн. 2. Вып. 7. С. 526–534.

зыки и театра в России. «Записки» Штелина о развитии изящных искусств были известны и в России, и в Европе, однако до конца XX столетия использовались лишь частично. Только в 1990 г. после перевода на русский язык они были изданы К.В. Малиновским⁶, а в 2015 г. увидело свет их второе, существенно дополненное издание, куда были включены новеллы Штелина, посвященные развитию оперы, театра и музыки в Российской империи⁷. В качестве приложения к «Запискам» Малиновский опубликовал часть писем Штелина, так или иначе связанных с развитием художеств в России и адресованных А.П. Бестужеву-Рюмину (1693–1768), Г.Н. Теплову (1717–1779), К.Г. Разумовскому, Г.Ф. Миллеру (1705–1783), И.К. Готшеду (1700–1766). Отметим, что эти публикации снабжены подробными и точными комментариями Малиновского, а также богатыми иллюстрациями. Эти материалы открыли новые пласты информации, особенно ценные для осмысления особенностей развития художественного отделения Петербургской Академии наук.

Книга, подготовленная к печати Г.И. Смагиной, вновь возвращает нас к тем деталям академической деятельности Штелина, которые не всегда попадали в поле зрения историков. Как справедливо отмечает автор, даже сам период академической истории, охватывающий годы после смерти М.В. Ломоносова (1711–1765) и до назначения Е.Р. Дашковой (1743–1810) директором, т. е. с 1766 по 1782 г., является малоизученным. Однако в эти годы состоялось важнейшее событие — изменилась система управления Академией. В 1766 г. была упразднена ранее всесильная академическая Канцелярия и впервые введен пост директора Академии наук, который занял В.Г. Орлов (1743–1831). Президент Разумовский фактически уже не занимался академическими делами, проживая в Малороссии. Также впервые была создана Комиссия для управления научными и организационными делами, состоящая из академиков, а не из канцелярских служащих.

В 1765–1769 гг., в начальный период директорства Орлова, Штелин выполнял обязанности конференц-секретаря и в 1766–1769 гг. вел дневниковые записи. Это уникальный факт для академических сотрудников XVIII в. и этим особенно интересный. Это взгляд на Академию изнутри, не со стороны служебной корреспонденции и деловой документации. Дневник является важнейшим историческим источником, поскольку в нем отражены факты, связанные с научной жизнью, а также многочисленные события, затрагивающие деятельность художественных палат.

Записи Штелина, озаглавленные «Императорская Академия наук под управлением г-на графа Володимира Григорьевича Орлова», хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Ранее они не публиковались и не использовались как источник. Расшифровка и чтение неоготического рукописного текста представляли собой трудную задачу, с которой великолепно справилась сотрудник РНБ О.Н. Блёскина. В книге воспроизведено несколько страниц рукописи, дающих представление о трудностях прочтения и транскрибирования текста (с. 61, 168–169). Особо отметим, что в рецензируемом издании опубликованы как немецкий текст, так и его русский перевод, выполненный Г.И. Смагиной и И.Ю. Тарасовой, что позволяет оценить стиль изложения Штелина. Публикация снабжена

⁶ Записки Я. Штелина об изящных искусствах в России: В 2 т. / Сост., пер. с нем., вступ. ст., предисл. к разделам и прим. К.В. Малиновского. М.: Искусство, 1990.

⁷ Малиновский К.В. Материалы Якоба Штелина: В 3 т. СПб.: Крига, 2015.

вступительной статьей, фундаментальными комментариями Г.И. Смагиной и сопровождена иллюстрациями.

Вступительная статья, озаглавленная «Якоб Штелин в контексте академических дел: штрихи к портрету», представляет собой оригинальное и очень интересное исследование. Автору удалось создать подробную картину неустанной деятельности Штелина. Являясь членом академического собрания, конференц-секретарь вел протоколы его заседаний, собирал труды академиков и заботился об их публикации, ведал ученой корреспонденцией и академическим архивом, составляя в то же время хронику деятельности Академии. Наконец, он являлся связующим звеном между профессорами, с одной стороны, и руководством Академии, с другой. Штелин сменил на посту конференц-секретаря Миллера в связи с отъездом последнего в Москву. Как конференц-секретарь Штелин входил в состав состоявшей из академиков Комиссии, допущенной к решению насущных вопросов научной жизни; вместе с Орловым проводил ревизию академических учреждений, «намечая необходимые реформы и улучшения организации» (с. 27); вел переписку как с претендентами на вакантные академические кафедры, так и с научными обществами, зарубежными академиями, учеными, студентами и мн. др.; занимался подготовкой к изданию научных трудов и календарей.

Отдельную новеллу Г.И. Смагина посвятила взаимоотношениям Штелина и выдающегося русского ученого-энциклопедиста Ломоносова. Несмотря на разность характеров, этих людей «связывали многие годы совместной работы и добрые человеческие отношения» (с. 14), чему в подтверждение приведено немало фактов. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает представленный автором сюжет, связанный с попыткой Штелина ввести в академическую практику традиции проведения памятных заседаний и произнесения «панегириков» — речей, посвященных ушедшим из жизни коллегам. После кончины Ломоносова Штелин составил «Конспект похвального слова» в память о своем коллеге, однако не получил возможности его произнести. Текст «Конспекта» воспроизведен в примечаниях к вступительной статье (с. 41–43). Тем не менее Штелин, очевидно, инициировал выступление на заседании Академической конференции Н.Г. Леклерка (1726–1798), избранного почетным членом Петербургской Академии наук в 1765 г., и принял участие в подготовке его речи. В речи Леклерка было высказано восхищение жизнью и творчеством великого российского ученого. Как справедливо отмечает Г.И. Смагина, иных выступлений или знаков памяти после кончины Ломоносова в Академии наук не было предпринято (с. 18).

Немалое внимание автору вступительной статьи пришлось уделить описанию особенностей управления Академией в 1766–1774 гг. Г.И. Смагина приводит массу сведений об обстоятельствах назначения Орлова директором; о его образовании; контактах с академиками; попытках подготовить проект нового академического устава; о реакции академиков на действия директора. И, наконец, о взаимоотношениях Штелина и Орлова, которые постепенно от интенсивной совместной работы по реформированию Академии перешли к открытой конфронтации. В результате 22 февраля 1769 г. Штелин был вынужден покинуть пост конференц-секретаря, но его преемник профессор И.А. Эйлер (1734–1800) счел необходимым отметить прекрасное состояние архива Конференции и поблагодарить именно Штелина за это (с. 36).

Собственно дневниковые записи конференц-секретаря Академии сполна отражают мельчайшие детали неустанной деятельности Штелина. Первые записи в

дневнике датированы 1766 г. Их всего две, за ноябрь и декабрь. Автору, очевидно, не хватало времени вести поденные заметки. Ноябрь был полностью посвящен инспекции Книжной лавки, книготорговли и художественных палат, которые Штелин громко именовал «Департаментом искусств». Напомним, что именно Штелин убедил Орлова не ликвидировать полностью художественные палаты, вызывавшие у академиков раздражение самим фактом своего существования. Однако впоследствии, и это очень хорошо видно из дневника, часть мастерских, например Переплетная, будет все-таки закрыта, а штат других будет существенно сокращен. Декабрь 1766 г. для Штелина был полностью занят осмотром Типографии, Университета, Гимназии и Воспитательного училища, существовавшего при Академии. Неудивительно, что Штелин в ноябре 1766 г. с сожалением был вынужден написать своему другу и товарищу Миллеру: «...моими прекрасными утренними часами, которыми я с некоторых пор горжусь и о которых жалею, мне пришлось пожертвовать. Ведь ежедневно мы с его сиятельством графом, нашим директором, плотно сидим с 9 часов до 1 часу» (с. 26–27).

Записи за 1767 г. выполнялись автором дневника практически ежедневно за исключением суббот и воскресных дней. В 1768 и 1769 гг. заметок становится меньше, что в известной мере отразило развитие отношений Штелина и Орлова — от плотной совместной деятельности к охлаждению и полному разрыву, за которым последовала отставка конференц-секретаря. Страницы дневника изобилуют краткой, но поистине бесценной информацией относительно разработки и обсуждения проекта нового Регламента; выборов депутата от Академии в Уложенную комиссию; переписки с зарубежными корреспондентами; организации академических экспедиций; деятельности художественных палат, Гимназии, Воспитательного училища, академических служащих и лиц, работавших в Академии по подрядам. Учитывая, что художественному комплексу Академии наук второй половины XVIII в. практически не посвящены научные исследования и этот период является в известной мере «глухим», публикация «Дневника» открывает новые перспективы для осмысления.

Работоспособность Штелина подчас поражает воображение, ведь иногда ему доводилось бывать в Академии даже в то время, когда остальные профессора наслаждались отдыхом. Так, например, в период масленицы и поста, с 1 по 18 февраля 1768 г., Штелин счел необходимым записать: «...в Академию не приходил ни директор, ни один член Академии: только я один каждый день из-за Департамента искусств и подготовки газеты («Санкт-Петербургские ведомости». — *Прим. авт.*)» (с. 232). Кроме того, подчас ему приходилось заниматься весьма незначительными, но важными делами, которые никто иной просто не мог выполнить, например: обсуждением с портным формы для гимназистов (с. 190); отбором сукна и шляп у торговцев для тех, кто содержался в Воспитательном училище (с. 202); расследованием устроенного гимназистами поджога в гимназии (с. 225); проверкой и оплатой счетов и многим-многим другим. Картина почти трехлетнего существования Академии наук благодаря «Дневнику» Штелина наполнена интереснейшими деталями.

В качестве приложения к «Дневнику» также опубликованы семь писем Штелина, адресованных Г.Ф. Миллеру и датированных 1765 г. Текст писем, как и в случае с «Дневником», приведен на немецком языке и в переводе на русский. Оригиналы хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Ф. 21. Оп. 3. Д. 269. Л. 9–22 об.). Дружеская переписка отражает доверительные отношения, установившиеся между адресатами и семьями обоих академиков. Письма

наполнены новостями о петербургской, в том числе академической, жизни, которые автор считал необходимым сообщить Миллеру, находившемуся в Москве; информацией о выполнении поручений Миллера; известиями о трудах Штелина, в частности, о продолжающейся более двадцати лет работе над «Записками» об изящных искусствах в России. Следует особо подчеркнуть, что в 2011–2021 гг. Г.И. Смагина совместно с В.А. Сомовым ввела в научный оборот целый ряд других писем Штелина, существенно расширивших представления об этом человеке и его контактах⁸.

Необходимо отметить, что рецензируемая книга сопровождается фундаментальными комментариями. Их автор, Г.И. Смагина, сознательно выходит за пределы узких хронологических рамок, осуществляя экскурсы в более ранние периоды. Она приводит дополнительную информацию о личностях, событиях, учреждениях и подразделениях Академии, включает в комментарии дополнительные цитаты из писем Штелина, цитирует «Санкт-Петербургские ведомости», если это необходимо.

В заключение хочется отметить, что широта интересов и трудолюбие Штелина поражают. Он пятьдесят лет служил в Академии наук, обретя в России вторую родину. Его вклад в развитие русского искусства трудно переоценить, поскольку многие годы он так или иначе заботился о художественном отделении Академии наук, в известной мере компенсировавшем отсутствие в Российской империи самостоятельной Академии художеств. Штелин немало сделал для эволюции рисовального, гравировального и медальерного художеств, искусства создания фейерверков и иллюминаций.

На наш взгляд, Штелин прекрасно осознавал ценность для потомков своего рукописного наследия — не только «Записок» о развитии изящных искусств в России, но и писем, дневниковых записей, «Анекдотов», заметок об исторических личностях и событиях. На страницах любой из своих рукописей он старался быть беспристрастным свидетелем, хотя и не лишал себя возможности выказать собственное отношение к происходящим событиям, людям, достоинствам и недостаткам произведений искусства. Опубликованная Г.И. Смагиной книга, бесспорно, представляет большой интерес не только для исследования академической истории, но и для изучения истории и культуры России в целом.

⁸ См.: Смагина Г.И., Сомов В.А. 1) «Примите, дорогой друг, мою искреннюю благодарность». Письма Николая Габриэля Леклерка из личного архива Якоба Штелина // Исторический архив. 2012. № 1. С. 181–189; 2) Петербургская Академия наук и Коллегия иностранных дел в семейной переписке Якоба фон Штелина // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 4. С. 7–24; 3) Из истории Петербургской Академии наук: письма Якоба фон Штелина к сыну (1779–1785) // Российская наука в европейском контексте во второй половине XVIII — первой половине XIX века. СПб.: РНБ, 2021. С. 93–124.

Book Review:
**Shtelin Ya. Diary of the Conference Secretary
of the St. Petersburg Academy of Sciences
for the years 1766–1769 /**
**Ed. and comp. by G.I. Smagina; transcription of the text
by O.N. Bleskina; translation from German by G.I. Smagina
and I.Yu. Tarasova; introductory article and comments
by G.I. Smagina.**
St. Petersburg: Rostock, 2021. 440 p. + 24 p. il.
ISBN 978-5-94668-341-8

ELENA S. STETCKEVICH

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(North-West Institute of Management of RANEPa),
St Petersburg, Russia;
e-mail: Stetskevich-es@ranepa.ru

The article presents the review of the publication of archival diary by Professor of the St. Petersburg Academy of Sciences Jacob von Shtelin (1709–1785), dedicated to the upcoming 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, carried out by G.I. Smagina. Yacob von Shtelin is known as the author of the “Notes” on the development of fine arts in Russia, “Authentic anecdotes from the life of Peter the Great...”, as well as “Notes” about Emperor Peter III. Shtelin served at the Imperial Academy of Sciences and Arts from 1735 to 1785, holding the position of Professor of eloquence and poetry, as well as serving as an adviser to the Academic Chancellery (1757–1766) and conference secretary (1765–1769). Shtelin’s diary reflects the events of academic history, the reform of the management of the Academy of Sciences and the development of art chambers. The diary has been translated into Russian for the first time and is accompanied by extensive comments.

Keywords: Jacob von Shtelin, Russian Academy of Sciences, conference secretary, diary, letters, Vladimir Grigorievich Orlov.